

*К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне
1941—1945 гг.*

ВДОВЫ

Повесть

Любимой маме Антонине Васильевне посвящается

1.

...Ночь Фима спала беспокойно. Поднималась от тёплой печи и шла в остывшую кухню к окну, будто кто её туда звал. Яркими замытыми бусинками виделись звёзды на морозном небосклоне. После дневной оттепели мороз давил прикордонную тайгу, река Кан подо льдом грелась, ворочала плечами, лёд лопался. Фима не слышала этого ворочанья Кана, но с молодости знала: при таком батюшке так бывает, лёд дыбится, сухо выстреливает.

«Как там Зорька? Тепло ей в хлеву? Голодная корова, телёночек под сердцем». Фима жалела кормилицу, плакала, качала головой, слёзы замывали глаза. Оттого и звёзды в небе росисто подрагивали при взгляде на них.

Обильные капли обжигали морщинистые худые щёки, затекали в беззубую ямину на месте рта. Фима умывалась и упибалась слезами, слизывая кончиком языка их в уголках губ. Потом возвращалась от окна видом на огород обратно на кровать, под тёплый бок кирпичной печи. И опять дремала без сна.

Блазнились далёкие молодые годы. События минувшего дня она могла запомнить, но вот дальность лет и счастливая молодость каждый раз возникали в сознании будто бы только что минувший день.

Молодой Васей Белоус. Голодные предвоенные годы, вши и похлёбка из лебеды от бескормицы в войну. Она боронит вспаханные поля верхом на лошадях. Ноги избиты от негожей обувки. Она ещё в девках, не замужем за Васеем.

Ночь. Полевая бригада из одних девчат. Чёрная ночь над полями и лесами. Огромный костёр на полевом стане. Над артельским котлом, огибаемым пламенем, высоко в темноту устремляется огненный язык. В котле кипятится одежда работниц, кипятится от вшей. Вши заедают молоденьких девчат на весенней пахоте, сколько ни вываривай их. Вши и в соломе, на широких нарах вагончика, где девчата зорюют. Сейчас, пока одежда кипятится в артельном котле, девчата, словно русалки, нагие и с развитыми волосами, отплясывают хоровод вокруг костра. Чужих глаз нет, взрослые мужики давно воюют. А подростки и малолетки из соседней бригады только поддразнивают девчат своим подглядыванием из темноты. Такое водилось. Зналось всеми. Мысленно девчатами звались эти подростки. Манились песнями, жадными женскими губами рвались сердца подростков. Норму выполняли взрослую и девчата, и подростки. И по-взрослому крутили любовь. Одежду вываривали раз в три дня. На большее не хватало терпения. Вши одолевали от бескормицы. От голода и бессонницы девчата падали в борону.

Не хватало терпеть более трёх дней и подросткам. Они являлись, крадучись, от своего стана и выскакивали на свет неожиданно, когда девчата заводились до истерики в огненной пляске вокруг костра. И хохот, визг. Подростков пленяли за руки, за ноги и кидали в реку — искупаться, чтобы знали, как зариться на взрослых девок.

Что делать — война! А жизнь властно брала своё. Песни, казалось, спасали от всех бед. Сейчас Фиме не шли они на память, выветрились за дальностью лет. Фиме восемьдесят второй год, и крепкая ещё старуха для своих годов. Но память человеческая ослабела. Знала она песен много. За голосистость и выбрал Васей Белоус неутомимую в работах Ефимью Скорнякову...

Вот Васей и она, Фима, заглавные в красном краю свадебного стола. Она в беленьком и простеньком платьишке, венки

полевой вместо фаты. Васей крутоплечим валуном рядом, в чёрной косоворотке под костюмом, сшитым отцом ещё до войны.

За свадебным столом все ведают, что забирают на фронт уже и Васеев годок. Война явилась в Отечество тяжёлая и затяжная. Мужиков бьют на фронтах бесчисленно, вся молодёжь деревни почти уже выбита, во многих избах получены похоронки и стоном стоит плач. Забрали и зрелых совсем мужиков. Отец Фимы полгода назад ушёл, пятьдесят три года только и прожил. Погиб в зиму под Москвой. В семье Скорняковых одни девки. Фима за старшую. И решили они с Васеем: пусть хоть дитя останется, если его убьют. Родила она Антона. Бог уберёт от пули Васея, вернулся с фронта одним из немногих мужиков из таёжной деревни. Всю работу тащили на себе бабы и в войну, и после войны. Вспоминать тяжело, но душе от этих воспоминаний сладостно. Горько одно: не было больше у Фимы с Васеем детей. Покалечила война мужика...

...Поблазнилось, калитка стукнула. Радио в центре деревни гремит. Ещё не поздно по часам, но темно по зимнему времени. Для Фимы день и ночь теперь мало имеют значение.

...Опять себя Фима видит молодой. Но даль эта расплывчата, девчонкой не вспоминается. Только в девках. Любовь Васея будто бы и есть начало жизни...

И будто взмыкнула Зорька. И очнулась от грёз Фима, и упало сердце, остановилось. Показалось? От кровати через дверь в избу, минуя высокие сенцы, с улицы слышался странный звук, идущий от хлева. Из окна кухни двор не увидеть. Ночь хоть и звёздная, но тёмная. Задрожали у Фимы ноги. Остыли враз, не слушаются. Казалось ей, быстро она делает, а пошла, шаркая мелко. Придерживаясь ладонью о стену. У дверей облачилась в телогреечку, повязалась шалью. В уголке и батожок. По дому Фима передвигалась, опираясь на предметы и стену. К Зорьке на двор в хлев шла с батожком.

Сил кричать от увиденного на дворе у Фимы не достало. С высокого крыльца она видела и в темноте двора: беда под навесом хлева творится, люди чужие там, не деревенские...

«Зорька?!» Корову вывели из тёплого хлева под навес и зарезали. Теперь свежевали, не обращая внимания на хозяйку на крыльце. Было их двое, этих молодцов. Днём они заходили

в избу, предлагали Фиме продать стельную корову на мясо. Кормить корову Фиме всё равно нечем. Остатки закупленного сена неожиданно быстро подьелись Зорькой незадолго до Нового года. Оттого и горевала, плакала Фима, жалеючи голодную корову: на соломе долго не протянет. Фима была согласная отдать корову даром старикам Еремеевым, крепким ещё по годам и живущим в достатке. Но не резать корову. Стельная Зорька, грех резать корову с телёнком в утробе.

Ноги у Фимы отказали, и она опустилась тяжело на приступок крыльца. В молодые годы Фима крупной молодухой считалась. В кости широкая. Сильная в натруженных руках. Но старость кого хочешь истребует на отчёт к себе. И силу потребует-заберёт, и болезни, что стерегла для такого возраста, вернёт. Нутром здоровая, Фима мучилась ногами.

— Та шо ж вы, ироды, наделали?! — только и вышептала Фима бандитам.

«Ироды», будто так и положено, будто по согласию и по любовно решён вопрос зарезать Зорьку, похохатывая, стали дразнить беспомощную старуху. Деревня пустая от жителей, кричи — не докричишься помощи: пять семей всего живут в разных концах протяжённого села. Все старики. Сотня домов пустует без хозяев.

— Тебе же, бабка, предложили хорошую цену, а ты заупрямилась. Сами возьмём. Тебе деньги уже не нужны...

В центре села, в столбовом и гулком морозном воздухе, в ночи при ярких звёздах, запикало радио на высоком столбе. Колокол хрипнул и замолк.

Тишина — как до сотворения мира. Днём бандиты всё рассчитали. Знали, куда ехали. Фимин двор по эту сторону села крайний у прикордонной тайги. Днём приходил с центральной усадьбы грейдер, улицу от снега разрыл лопатой на две безжизненные половины с рядами изб без следов и тропинок ко дворам. Новый год осталось ждать недолго, и для пенсионеров председатель сельсовета нашёл возможность очистить дорогу до села и улицу. Центральная усадьба — в восьми километрах на берегу Кана, в советское время там базировался леспромхоз «Таёжный». Леспромхоза лет десять как не стало. Деревня на берегу реки Кана осталась без работы, кормились люди доходами с подсобных хозяйств и огородов; кормила, не давала умереть тайга. Глухой угол на стыке двух районов.

— Я вот щас до Еремеича дойду,— поднялась Фима, намереваясь пройти к отворённой воротине, за которой в кузовок «иноземного головастика» «ироды» укладывали мясо.

— Греби бабку. Закатаем её в шкуру, до утра не замёрзнет. А то ведь точно сторим...

Фима всё поняла, но кричать о помощи на всё село сил уже не осталось.

Фиму Белоусову бандиты свалили на мягкую Зорькину бело-пегую шкуру, сноровисто закатали в неё старуху. С головой, так что валенки едва видны остались. Мороз быстро схватил остывающую колом сырую кожу...

2.

Пётр Еремеевич ждал ранних гостей. Сын должен приехать из Красноярска. Письмом сроки сообщил. Стоял Пётр Еремеевич у распахнутых ворот, опершись на снеговую лопату, снежный вал от грейдера раскидал, освободил проезд к воротам. О Фиме Белоусовой в добрый час вспомнил. Обещал ей копёшку сена подтянуть со своего огорода. Кормами он запасся на две зимы за глаза. Не задаром, конечно, он сено отдаёт. У Фимы пенсия, деньги старухе тратить не на что. Время такое, что без рубля и не пукнешь. Трактор «Беларусь» солярку жрёт, сено сам косил, хоть и трактором — всё же труд. А корову бросать Фимину на голодный постой над соломой тоже не дело. Старуха на одном молоке и держится. Сейчас, пока корова стельная, молоко ей носит его хозяйка Дарья Митрофановна.

Воткнув лопату черенком в сугроб, Пётр Еремеевич подался к Фиминому двору. В такое время утра Фима всегда топит печь, и дым от крайней избы у леса — как бы знак, что изба жилая и хозяйка в ней живая. Множество примет для себя старики держали в уме. И помочь им здесь, в глухом краю, кроме самих себя, некому. Пронька Вертолёт и его заполошная Автолавка Верка самые и есть молодые из всех пяти семей деревни.

Одинокими бедовали только Фима да Катька Прибылиха, бабёнка ещё не старая, да родом не из их деревни. Сама пьёт, «стеклорез» возит из города. Пенсию ей почти всю до рубля старики отдают за спирт. Одной ногой в могилу смотрят, а будто с ума посходили к концу жизни.

Пьют все дворы. Все, кроме двора Петра Еремеевича. Хозяин он крепкий всегда был, сын выучился на художника.

Дочка — директор школы на центральной усадьбе. У других стариков тоже дети в городах живут, кто-то выбился в учителя, кто-то рабочей косточкой пробивается.

Необычной всех дети у Проньки Вертолёта и Верки Автолавки: зубные врачи. Родители — алконавты распоследние, а дочери высоко взлетели. Девочек после окончания школы в деревне у родителей уже более десяти лет никто и не увидел. Но верили на слово Верке Автолавке. В Канске кто-то в районной больнице зубы рвал, подтвердил: «Работает, зубы вставляет». В деревне ты хошь профессором в прошлом будь — всё едино. День текущий кормиться надо. Огород посадить и выкопать картошку. Без мяса тоже не жизнь. Для себя и кабанчика, и бычка растишь. Пётр Еремеевич с женой в годах, многого им не надо, но для сына в город стараются, пока силы и возможность имеются. Не сидеть же сложа руки, как другие делают.

Пронька Вертолёт с Веркой Автолавкой тоже не сразу и не в один день превратились в выпивох. Пронька всю жизнь отработал в леспромхозе, лихие перемены встретил пенсионером. Верка дояркой вкалывала, пока всех коров на ферме не порезали. Совхоз был подсобным хозяйством леспромхоза «Таёжного». Жили богато и многодетно, с думами и планами наперёд. А вышло вон что от «перемен к лучшему»! Смерть одна народу досталась. Хорошо ещё — электричество не обрезали на столбах. В других местах и провода снимали и продали.

Размышляя таким образом, развалисто, в мягких валенках, Пётр Еремеевич достиг двора Фимы. У ворот остановился, попинал носком валенка умятый колёсный след к воротам. Ночью кто-то был, определил.

Побоище с Зорькой белым днём смотрелось страшным сном. Скаток коровьей шкуры — с Фимой внутри — поверг Петра Еремеевича на колени. Шкура задубела на морозе, и раскатать её оказалось не так просто. Пётр Еремеевич по годам на пятилетку младше Фимы. В войну вместе подростками боронили, Васей Белоус сродником ему по материнской линии приходится. Дружили дворами всю жизнь. И какая смерть!

Будто и не жила Фима на свете белом долгий свой век вечной труженицей; будто не на Фиме и таких, как она, женщинах держалась вся Россия, когда мужиков побили на фронтах. Будто не Фима родила и отдала своего сына Антона далёкому Афганистану. Целый век жил человек и обустроивал землю своим трудом и милосердием. И такая кончина.

Пётр Еремеевич сокрушённо по-стариковски бормотал, распахивая Фиму из этого злосчастного кокона. Умерла, задохнулась Фима в тот же час, когда бандиты завершили своё злодеяние.

«Это ж каким выродком надо быть, чтобы совершить подобное убийство немощной старухи! Кто их нарожал, этих выродков? Когда они успели такими стать?» — подобные мысли не впервой приходили Петру Еремеевичу в голову. Телевизор Дарья Митрофановна не выключает почти круглые сутки. «Всё — оттуда. Всё из Кремля московского...»

3.

Хоронили Фиму Белоусову на Шише волглым тихим днём. Шишой звалось кладбище, пологое место на холме, высокое, над деревней; и река Кан видна далеко внизу. Деревня по эту сторону холма. Широкая долина полноводной реки лесистым перевалом от деревни отделена. С кладбища взору открываются и хлебные поля, в снегах по такому времени. Видится хорошо и центральная усадьба в восьми километрах. Хорошее место для вечного отдыха. Простор и воля от всех плохих и хороших дел и мыслей. Рядом с Богом, под Его приглядом.

Сырой снег приставал к подошвам валенок. Дарья Митрофановна как бы успокаивала себя и стариков своими выводами о «вечном отдыхе». Недолго и им осталось смотреть на это вольное небо, дышать вольным воздухом тайги. Век свой они прожили худо-бедно, в глаза Богу не стыдно взглянуть.

Декабрь вольничал оттепелью в завершение Рождественского поста. Метели закружат из Саян по Кану в Сретенье, как водится. До перелома февраля покуражится ещё зима, а там до Масленицы, до Сырной недели — белый день силы наберёт. Тогда можно и считать, что год прожит.

По хозяйской деревенской привычке Дарья Митрофановна год распределяла по делам — по крестьянскому календарю. Пока же до Нового года дожили. Фиму хоронили тёплым днём, Господь на ласку людям старым не поскупился. Обмывала летней водой покойницу и обряжала в чёрное шерстяное платье, приготовленное Фимой на смерть, Дарья Митрофановна. Пётр Еремеевич открепил с дверей в горницу пригвоздоханное рейками ватное одеяло. Дом построен в своё время просто, за прихожей — горница. Чтобы экономить тепло, по просьбе Фимы, после смерти Васея Белоуса, Пётр Еремеевич и забил одеялом проход в горницу.

За русской печью на кухне — лежанка Васея, туда и перебралась Фима после смерти старика-мужа. Жизнь распорядилась так, что и наследников у неё не остаётся. Сын служил в Афганистане и погиб. Жениться не успел. Родные сёстры думать о Фиме забыли, раскидала жизнь каждую куда. И будто нарочно, никого не оставила рядом, в Сибири. За мужьями уехали в своё время, теперь доживают век или дожили его «за границей». Не приехать к ним, не уехать от них. Разорвали бездумно и безумно Россию на куски, разъединили силой народы и родственников.

В старости уже нет злобы в душе на время и на плохих людей. Покорно и смиренно принимала Фима разлуку с сёстрами. Васеевы родственники — в городах, и никто стариками последние десять лет не интересовался, в гости не приехал. Старость обременительна для самого человека, но ещё большим бременем эта старость для тех, кто обязан старикам своим появлением на свет.

Покойница Фима скорого конца своего не предвидела. Жить она ещё могла самостоятельно не один год. Гроб пришлось делать Петру Еремеичу. Об убиенной односельчанке немногочисленные жители села уже к обеду узнали. Горе сплачивает русских людей. Старухи прибрали от многолетней пыли горницу, протёрли влажной тряпицей стекло иконы Казанской Божьей Матери, поставленной в красный угол давно, молодой когда-то Фимой. Икона старого письма и досталась Фиме от бабушки, которая привезла икону «из Расеи, когда ехали на новые земли обживать».

После смерти старика Белоуса забитой горница простояла при закрытых ставнях пятнадцать лет. Круглый стол на точёных балясинах с центра убрали. Поставили две табуретки под гроб.

Лампадку под иконой Дарья Митрофановна заправила подсолнечным маслом. И затеплилась лампадная светлица в полумраке над покойницей, над скорбными ликами стариков и старух.

Связи с центральной усадьбой нет никакой. Гнать свой трактор «Беларусь» Петру Еремеевичу времени не оставалось. Всё легло на его плечи: и руководство над Пронькой Вертолётном с копкой неглубокой могилки, долбить мёрзлую землю помогли и старики; и гроб тесовый сколачивать, кроме него, тоже оказалось некому. Старики, конечно, запаслись каждый для себя довиной заблаговременно. Но свой гроб никто не пожелал жертвовать одинокой Фиме. В голову никому не пришло.

Пётр Еремеевич много лет работал управляющим отделением совхоза, строить умел, землю знал, тайнами тайги ведал, добывал и тайменя в Кану, когда был годами моложе. Остальные старики тоже не безрукие, но гроб сладить не каждый возьмётся.

В заботах с похоронами Фимы Пётр Еремеевич не забывал ждать сына. Не хватало его молодых рук в столь скорбном деле.

Похоронили Фиму на другой день после её гибели. И, как водится, вечером приехал сын. Привёз Павел и гостя. Дарья Митрофановна сыну рада, гостя постороннего не ждала. Умаялась с похоронами и поминками в доме Фимы. В своём доме некогда было приготовить. Но дом Петра Еремеевича — полная чаша. Из погребка поднялись и груздочки, и домашняя колбаска. Картошку отварить недолго. Перед ледоставом Пётр Еремеевич сеть ставил в протоке. Рыбы набилось, спасаясь от шути, плотно. Попались и щука, и харюзья, сорога крупная. Ведро рыбы засолил для сына Павла.

Сына расстраивать убийством Фимы старики, решили, не станут. Ночевать сын не оставался, привёз матери и отцу новогодние гостинцы да спешил увезти таёжные гостинцы в Красноярск. Всё как-то бегом, не по-людски, но спорить с сыном Пётр Еремеевич не стал. Машина у Павла добрая, иномарка, утром в Красноярске будут. Последний день старого года сын желал дома быть.

— Мама, ты нынче из бранки ткала? Мой товарищ купит у тебя твоё рукоделие. У него свой антикварный магазинчик в городе, иностранцы с руками отрывают старинные вещи. Рассказал ему, что ты по старинной технологии, из конопли, ткёшь ткань, да ещё шабуры шьёшь. Он даже сам вот приехал.

— Полотенчики есть, — отозвалась от плиты Дарья Михайловна.

Лён в предгорье Саян в начале века не знали, как он и растёт. Сеяли коноплю. Из конопляной бранки волокна терели. Отбеливали на снегу, ткали на кроснах, шили из ткани шабуры, полотенца. Беда и выручка конопля была, без мешков конопляных в хозяйстве и с места в делах не сойти.

По родителям до замужества Дарья Митрофановна была Коноплёвой. По роду передавалось «конопляное» ремесло. В «коноплю» и одевались. И масло конопляное сбивали. Шабуры делались из самой грубой конопляной ткани, с открытым воротом без рукавов. Одевались через голову и при ходьбе шуршали — «шабуршились». Оттого и шабурами звались.

Убирали коноплю, когда начинала поспевать лесная земляника. Жёлтенький, тонкий и долгий стебелёк без семени звался бранкой. Бранку эту от конопляного стебля обрывали, вязали в снопы, и до первого снега снопы с бранкой проветривались стоймя.

В августе конопля созревала, её тоже убирали серпом. Обмочивали семя, толкли из него масло. Стебель конопляный обрабатывался одинаково с бранкой, из волокон его ткали мешковину.

Технология изготовления из конопляных стеблей ткани — секрет, передавался детям в семьях. Хитрости свои. Обязательно на Покров, и обязательно первый снег таяли в чанах, вода колодезная и речная для такого дела не годилась. Снопы из бранки и стеблей рассыпали и заминали в чаны со снеговой водой. Квасили две недели, отбеливали. После чего вынимали и «сажали снопы в горячую баню». После бани мяли костру на деревянных мялках. Чесали деревянными гребнями. Из грубых волокон конопляного стебля ткали на краснах мешковину; из грубой бранки получалась ткань для шабуров; тоньше волоса начёска из бранки шла на прялку для полотенец и исподних женских поддёвок. Вышивала цветными нитками шабуры и полотенчики из бранки Дарья Митрофановна — глаз было не оторвать.

Павел учился в художественном училище, забирал её изделия в город. В «лихие девяностые», когда всё рушилось, а деньги цены не имели, изделия матери Павел продавал через знакомых художников иностранцам за доллары, японскую валюту. В немалой степени дар Божий матери и её изделия помогли Павлу и выучиться, и стать на ноги, когда человеческая жизнь перестала стоить и копейку. А шабуры ценились. Отец купил старый трактор «Беларусь», подвеску с плугом для пахоты, сенокосилку. За горло взяло лихое время людей. Не пропадать же даром, на «голую» пенсию. Таёжники — народ бывалый. От тайги кормились. Выжили. Сына выучили. Людьюми остались. Не всё рублём измеряется.

Гость решил прогуляться по заведчеревшему селу. Родным есть о чём поговорить без посторонних ушей.

Ушёл.

Мешок кедровых орехов Павел брать отказался. Дарья Митрофановна отсыпала ведро орешков в плотную наволочку и завязала концы узлами. Тем временем Пётр Еремеевич поднял из погреба и отнёс в багажник машины замороженную бруснику в картонном ящике, ведро рыбы солёной, угнездили с сыном задок

кабана. Мать принесла мороженное в чашках кругами жирное молоко, упаковали в коробку от импортного цветного телевизора, который привёз в подарок родителям Павел. Старый «Рекорд» давно просился на двор. Успели поговорить без постороннего человека. О смерти Фимы так и не заикнулись старики. Ночь впереди, дорога дальняя за рулём сыну. Когда ещё дома будут!

Смеркалось. Вернулся из похода по селу гость. Шабур и полотенчики из конопляной бранки он купил, не поскупился, деньги Дарья тут же сыну и отдала. Гость поездкой доволен. Гостеприимство требовало и гостя без деревенских гостинцев не отпускать. Пётр Еремеевич выделил гостю и ореха кедрового, и мороженой брусники, и добрый пласт домашнего солёного сала.

Долгие проводы — долгие слёзы. Раз надо, поезжайте. Уехали. Подозрительной показалось весёлость в госте после прихода его из села.

«Пронька, сукин сын! Неужели продал?..» Пётр Еремеевич направился к Фиминому двору в край тёмной улицы.

Замок на сенцах и гвоздём открывается. Был Пронька! Замок в пробое на раздвинутой дужке. Дверь в избу, забитую Петром Еремеевичем парой гвоздей, Пронька взломил топором. В избе Пётр Еремеевич запалил спичку. В горнице в красном углу на месте иконы просторно... «Ушла Богородица из села...»

4.

В обед последнего дня старого года всё население Притаёжного села собралось у заколоченного бесхозного магазина. Традиция такая появилась с началом «третьей мировой войны» — так обозначил перестройку Пронька Вертолёт. В те годы он и прозвище своё «Вертолёт» получил за своё «летание» по селу с новостями. Верка стала «Автолавкой» — она первой начала возить спирт из Канска и продавать односельчанам. Потом этот промысел перешёл к Катьке Прибылихе. Жила баба в Красноярске всю жизнь в общежитии, работала на заводе. Получила пенсию и уехала в глушь, чтобы в городе окончательно не спиться. В деревне хоть молоко беда и выручка для пьяниц. Все болезни молоко коровье лечит. Оттого и трудно всегда было крестьянина спойть. Домов пустых — всё село. Разъехались люди, вымерли. Выбирай дом и живи. Катька обжила небольшой домик, курей в стайке держала, поросёночка стала ежегодно выращивать; молоко купить в деревне не проблема, пока хоть в одном дворе корова останется. Так

все и жили-выживали. Оставленные на самих себя властями и детьми. Доживали век при огородах и молоке, на скудные пенсии. А на дворе уже всюю шагало третье тысячелетие.

Высокий колокол на столбе гремел музыкой. Ночью навалило снегу на штыковую лопату. Белизна сугробов у ворот нежилых дворов пригласила при хмуром дне. Снег поскрипывал под валенками людей. Стоят горсткой под столбом, беседуют, будто сводку с войны обсуждают. Помнилась война сорок первого года. Так же вот собрались люди со всего села в центре у конторы. Только от народа в улице тесно было. Пронька Вертолёт и Верка Автолавка отсутствуют. День тёплый и хмурый. Необычный для сурового сибирского декабря и весь месяц отстоял. Корова орёт недоеная на дворе Проньки Вертолёта — возле магазина слышать.

— Им что — одним днём живут, — покачала головой на рёв коровы Дарья. — Сегодня в России многие так живут. Обнищали люди. Просвета впереди никакого...

— А какой ты хотела просвет от оккупантов? Кто сегодня правит Россией? Оккупанты, как есть враги. Изничтожили народ, разворовали и распродали всё и вся. Уж какое было богатое село Притаёжное! И что от него осталось?

Говорить о смерти Фимы все почему-то избегали. Помянули вчера сдержанно — да из сердца вон такую горькую наждаду.

Пронька Вертолёт с Веркой Автолавкой выклинились из ворот своего двора, матрёшками пометелили к людям у магазина. Люди ждали их. Осуждай не осуждай, а чужая жизнь — потёмки. Родные как бы все от самого детства. Не всегда Пронька был Вертолёт. Хоть и пьют с Верой, хозяйство не изводят. Другой раз и корова вот недоена, и поросёнок, наверное, доски грызёт, требуя комбикорма с водой.

— Автолавки, мать их так! — волоча еле ноги в подшитых валенках-бахилах, заорал ещё издали Пронька Вертолёт. — Всё брешут? — показал на макушку столба с колоколом репродуктора. — Я бы им яички поотрывал и покрасил, этим кремлёвским трепачам. Сколько ни говорят «халва» — слаще жизнь не становится.

Автолавка шибче своего Проньки Вертолёта мотыляется, одетая в длиннополую искусственную рыжую шубу. Падает, встаёт, гребёт-таки упорно к народу.

Дым над сенцами из избы Проньки Вертолёта не сразу люди приметили. А когда дошло, что изба горит, как ахнет столб огня над крышей, будто в избе газовый котёл взорвался.

— Корову спасай!

Успели выгнать корову из хлева, поросёнка из стайки. Благо, хозяйственные надворные постройки для скотины через двор задами к огороду поставлены. Зарод сена далеко в огороде стоит, искры не достанут. Избу тушить никто и не пытался. Нечем! Мигом изба сгорела, остов кирпичной печи только и остался.

— Украл, продал, сукин ты сын, икону Казанской из Фиминой избы. Вот теперь всем нам и наказание,— шипел на Проньку Вертолёта Пётр Еремеевич так, чтобы люди не услышали.

Пронька и не отнекивался. Попутал его бес с этой иконой, продал приезжавшему с Павлом человеку. И хошь бы за деньги! За водку, которую тот принёс из багажника машины. На поминках не хватило, пили с Веркой эту водку почитай всю ночь. Час назад глаза и продрали, опохмелиться не успели, как понесли ноги к Прибылихе за «стеклорезом». Забыли и про Новый год, что и тридцать первое число уже на дворе. У заколоченного окнами магазина на людях только и вспомнили, что Новый год на носу...

— Та шо ж это, Божечка?! Та как же мы жить таперь станем? — запела-запричитала Верка Автолавка.

Пьяненькая, она повесила из безалаберности махотку для рук над включённой электроплиткой с открытой спиралью, гвоздь в стене над плиткой для сковородки. Махотка упала, когда хозяйка удалилась из кухни вслед за мужем. Сухой избе много ли надо? Искры достаточно.

— Баня целой осталась, в ней перебеётесь. А то и домов пустых вон сколько. Растопляй печь и живи. Или вон в дом Фимы поселяйтесь,— рассудил здраво Пётр Еремеевич.

Рассудил и пошёл в сторону своего двора. В хмурых небесах дым от пожарища чёрным змеем вытянулся к Шишиной горе. Там, над Фиминой свежей могилой, дым обдался о невидимую преграду, залюбился, круто пополз выше Шиши грибом в небеса над долиной Кана. И Пётр Еремеевич ахнул: в небесах дым стал терять черноту, обращаясь на глазах в паровое облако, очень похожее очертаниями на Богородицу с младенцем на руках. Небесная икона поволновалась скорбно, будто жалея неразумных людей, и медленно растворилась в заоблачной выси.